

**МА ЛЯН
ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ**

ХУН СЮНЬТАО

Хун Сюньтао

Ма Лян – волшебная кисть

Международная издательская компания «Шанс»

УДК 087.5
ББК 84 (5Кит)

Сюньтао Х.

Ма Лян – волшебная кисть / Х. Сюньтао — Международная
издательская компания «Шанс»,

ISBN 978-5-907277-74-8

Мальчик по имени Ма Лян с раннего детства мечтал научиться рисовать. Непросто далось ему это искусство – у Ма Ляна не было ни учителей, ни даже кисти – но все же он стал настоящим мастером. Даже больше: за свое усердие он получил удивительный дар – волшебную кисть. Рисунки, созданные с ее помощью, тут же оживали. Казалось бы, на этом историю стоит закончить? Как бы не так: Ма Ляну предстоит отправиться в странствие по дорогам Поднебесной, пережить множество опасностей, найти друзей – и даже повстречаться с самим Китайским Императором. По мотивам старинной китайской сказки.

УДК 087.5
ББК 84 (5Кит)

ISBN 978-5-907277-74-8

© Сюньтао Х.
© Международная издательская
компания «Шанс»

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	26
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Хун Сюньтао

Ма Лян – волшебная кисть

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», перевод, оформление, 2020

© ООО Детское издательство «Янцзы», 2020

Предисловие

В разделе «Описание царства Шу» хроник «Записи о Трех царствах»¹ есть «Жизнеописание Ма Ляна». Тот Ма Лян был известной личностью и не имел никакого отношения к Ма Ляну из сказки «Жизнеописание Ма Ляна по прозвищу Волшебная кисть». Они носят одну фамилию и зовут их одинаково – но это чистое совпадение.

Ма Лян, о котором пойдет речь, – простой, нищий мальчишка из горной деревни. Так что всякие «исторические» и прочие «записки» – это не про него.

На самом деле наш Ма Лян из горной деревни, похоже, значительно превосходит того Ма Ляна из эпохи Троецарствия. Кому там, в деревне, есть дело до Ма Ляна из Троецарствия? А вот нашего Ма Ляна там знают все, и истории о нем передаются из уст в уста.

Повсюду, когда речь заходит о Ма Ляне, говорят, что он до сих пор жив. Вам даже могут назвать поименно тех, кто его видел, и скажут, когда. Ма Лян был и будет всегда, он в сердце каждого, о нем всегда будут говорить. Его любят и уважают и стар и млад.

Меня иногда спрашивают: в какую эпоху, при какой династии жил Ма Лян? Я изучал этот вопрос, но так и не нашел точного ответа, потому что все истории о Ма Ляне начинаются так: «Давным-давно...» Или еще лучше: «Никто не знает, когда и при какой династии.» В общем, даже не начинайте!

Еще меня спрашивают: откуда же Ма Лян родом? Я изучал и этот вопрос, но так ничего и не выяснил. Потому что каждый рассказчик утверждает: «Он из нашей местности». И даже так: «Он жил в таком-то месте в нашей деревне». Получается, Ма Лян каждому приходится земляком.

Мне уже много лет, но я ведь и сам родом из горной деревни и с детства слышал истории о Ма Ляне. Они мне очень нравились, поэтому, обучившись грамоте, я стал записывать их.

В годы Японо-китайской войны², когда наша деревня попала в руки японцев, я бежал в тыл. Я общался с самыми разными людьми и за это время собрал много-много разных историй – в том числе истории о Ма Ляне.

Как-то раз я познакомился с ремесленником, который торговал кистями. Он рассказал, что раньше занимался изготовлением кистей в одной мастерской на юге, но из-за войны она обанкротилась и закрылась, а он потерял работу. Хозяин мастерской выдал ему целую гору кистей, и ремесленник продавал их по дороге домой.

Прикрыв голову соломенной шляпой доули, он тащил на спине большой узел из синего холста. Нам оказалось по пути.

Он рассказал, что в дороге его арестовали солдаты Центральной армии, сочтя его шпионом «мирной армии», а затем он попал в плен к «мирной армии», бойцы которой решили, что он разведчик Центральной армии³. Он не был ни тем, ни другим, так что бояться ему было нечего. Я спросил, как ему удалось бежать, и он, посмеиваясь, ответил: «У меня же есть кисти!» Каким образом кисти помогли ему, он так и не сказал.

Он знал так же много историй о кистях, сколько было самих кистей в его мешке. Пока мы шли, он продавал кисти и все рассказывал, рассказывал. Запас кистей меж тем не истощался, как и запас историй. Бывало, выпадет из кисти один волосок, а у моего спутника уже готова

---

¹ «Записи о Трех царствах» – древний трактат об эпохе Троецарствия (189–280 гг.), написанный в конце III века историком Чэнь Шоу.

² Война между Китайской Республикой и Японской империей началась до Второй мировой войны и продолжалась до ее окончания (1937–1945).

³ Во время Японо-китайской войны за власть в Китайской Республике боролись разные военные и политические деятели. Центральная армия и «мирная» (Армия мира и строительства государства) враждовали.

на это длинная история. Тогда в мою голову закралась мысль: не мог ли он быть тем самым Ма Ляном?

Однажды мы с ним ночевали на маленьком постоялом дворе у подножия гор. Наутро, проснувшись, я обнаружил, что мой спутник исчез, а в моем дорожном узле стало на одну кисть больше – он оставил мне подарок. Больше я не видел этого ремесленника. Ту кисть я по-прежнему считаю подарком от Ма Ляна (пусть на самом деле она никакая не волшебная) и берегу ее как зеницу ока.

Мне известно, что попутчик мой был необразован, а все эти истории он когда-то от кого-то услышал. Рассказывая их и так и сяк, он порой вносил в них изрядную долю своей фантазии. Некоторые сюжеты, где изначально героем был вовсе не Ма Лян, а, скажем, Цзян Янь, Чжан Лян, Ван Мянъ или У Даоцзы⁴, он строил вокруг Ма Ляна. Конечно, во многих историях не упоминается никаких имен вовсе. Возможно, потому что Ма Лян всегда выступал против начальников и чиновников, и истории о нем могли навлечь неприятности. Их старались изменить, называли главного героя другими именами, так что теперь уже сложно определить, какие истории действительно были о Ма Ляне.

И правда: во все времена находились люди, которым истории о Ма Ляне были не по душе. Но, как ни странно, им обычно казалось, что действие происходит именно в их эпоху...

Говорят, простой люд всегда обожал истории о Ма Ляне, их издавна рассказывают детям и внукам, без них просто невозможно обойтись. Дети их накрепко запоминают, и поэтому истории о Ма Ляне по прозвищу Волшебная кисть постоянно передаются из уст в уста.

Некоторые называют Ма Ляна «величайшим рыцарем-книжником Поднебесной», потому что он, орудуя своей волшебной кистью, помог многим людям, попавшим в беду. Ма Лян и его волшебная кисть совершили много удивительных дел в этом огромном, сложном мире, таком изменчивом и опасном, их подвиги способны потрясти небо и всколыхнуть землю.

Простые люди поведали мне множество историй о Ма Ляне, а я в свою очередь спешу поделиться ими с вами.

Мне уже много лет, в свое время я обучился кое-каким приемам нанизывания слов на нить повествования и теперь, отредактировав собранные истории, отделив истинное от ложного, главное от второстепенного, приведя их в должный вид, выстроил в определенном порядке. Той самой кистью, которую мне когда-то подарил ремесленник, я записал подлинную биографию Ма Ляна по прозвищу Волшебная кисть, чтобы познакомить с ним юных читателей. Итак, позвольте мне начать рассказ.

---

⁴ Цзян Янь (444–505) – поэт и писатель эпохи Южных династий. Чжан Лян (250–186 гг. до н. э.) – советник первого императора династии Хань Лю Бана. Ван Мянъ (1287–1359) – художник и поэт эпохи Юань. У Даоцзы (680–740) – художник эпохи Тан.

Глава 1

У подножия горы

Жил-был мальчик по имени Ма Лян.

Жил он в полуразрушенном яодуне⁵ на окраине. Родители умерли, когда он был совсем маленьким, и он самостоятельно рубил себе дрова и косил траву. Все бедняки – братья, так что деревенские частенько помогали ему и заботились о нем, в общем, принимали как родного.

С детства Ма Лян любил рисовать. Бывало, ползая по земле, он брал в руки камешек или ветку и чертил на земле разные линии, круги и квадраты – одному ему известно, что он пытался изобразить.

Когда он подрос, ему захотелось обучиться рисованию, но где уж было взять деньги на кисти! Все жители его деревни из поколения в поколение возделывали землю, так что кистей ни у кого из них не было.

Ма Лян мечтал о собственной кисти, о той, которая принадлежала бы только ему! За деревней возвышалась гора – сплошь из песка и камня, поэтому на ней ничего не росло. Зато она была весьма причудливой формы: три ее вершины напоминали очертаниями иероглиф «гора» (#). Те, кто взбирался на эту гору, говорили, что древние люди, создавая письменность, наверняка побывали здесь, иначе почему у иероглифа такая форма? Все три вершины были очень высокими, и взобраться на них – дело нелегкое. От горы не было пользы, на ней ничего не росло, и чтобы нарубить дров или накосить травы, крестьянам приходилось проделывать долгий путь. И тем не менее гора была очень красива: издали на фоне синего неба она напоминала гигантскую бурую подставку для кистей.

Эта могучая гора передала Ма Ляну свой характер. Подобно горе, он рос упрямым, не боялся трудностей и всегда выполнял задуманное. Он не умел заискивать и подхалимничать, льстить и угодничать, он был смелым и целеустремленным, никакие препятствия не могли заставить его отступить. Ма Лян был так же беден, как та гора, но так же тверд и непоколебим, он шел гордо глядя вперед. Ма Лян считал это честью – быть сыном гор.

Далеко-далеко к востоку от деревни стоял древний храм, позади которого на холме располагалась кирпичная пагода. Пагоде было очень много лет, она пережила пожар, после которого от нее остались лишь бурые кирпичные стены. Удивительно, но верх ее густо зарос зеленью – наверное, птицы занесли семена, и со временем выросли высокие деревья с раскидистыми ветвями и густой листвой. Издали пагода была очень похожа на кисть: рукоять – сама башня, ворс – деревья на крыше. Среди тех деревьев было одно финиковое. Осенью на нем созревали плоды и привлекали птиц, а когда те разлетались, казалось, что это капли туши разбрызгиваются по небосводу.

Если характер Ма Ляну достался от могучей горы, то воля и дух – от пагоды. Как ее вершина устремлялась высоко в небо, так и дух Ма Ляна парил над облаками. Ему хотелось взять эту пагоду-кисть и взмахнуть ею, цветными мазками написать в небе яркую картину, создать много прекрасных полотен.

В деревне существовало поверье, что раз в триста лет в определенный день и час небо разверзается, солнечные лучи особенно ярко освещают пагоду, так что тень ее простирается далеко-далеко и ложится на гору между вершин, словно кисть на подставку. Кто сможет в этот момент обхватить тень – тот обретет большой талант. Однако даже самые старые жители деревни никогда не видели этого явления и не знали, в каком году оно в последний раз случалось.

---

⁵ Яодун – дом-пещера, такой тип жилища распространен в Северном Китае, в провинциях Шаньси, Шэньси, Ганьсу и Хэнань.

лось. На протяжении многих поколений здесь жили крестьяне – темные, непросвещенные, они никогда не слышали ни о каких талантливых людях с кистью в руке.

Мальш Ма Лян часто взбирался на гору за деревней. Усевшись на вершине размером с крышку стола, он смотрел вдаль, на древнюю пагоду и на солнце, медленно восходящее на востоке. Он мечтал, чтобы небо разверзлось и ярко вспыхнули солнечные лучи, чтобы на гору легла тень от пагоды – и он бы ее крепко схватил.

Столько раз он проводил в этом ожидании все утро! Забирался на гору полным надежд и всякий раз возвращался разочарованным.

Ему очень хотелось иметь кисть.

Глава 2

Пань-гуань и Куй-син

Однажды Ма Лян услышал, что у статуи Пань-гуаня⁶ в храме бога-покровителя города есть кисть, и в одиночку отправился в город. Отыскав изваяние Пань-гуаня, мальчик увидел у него в левой руке какую-то книгу, а высоко поднятая правая и впрямь сжимала кисть.

Ма Лян уставился на статую, а затем, набравшись смелости, подошел и попросил:

– Почтенный Пань-гуань, не могли бы вы одолжить мне вашу кисть?

Однако почтенный Пань-гуань стоял неподвижно, будто бы и не слышал его. К мальчику вышел старец и, погладив седую бороду, ответил вместо Пань-гуаня:

– Глупенький, как же почтенный Пань-гуань может одолжить тебе кисть? Разве ты не видишь в его руке книгу жизни и смерти? Как только человек рождается, Пань-гуань тут же записывает, когда тому положено умереть...

Но Ма Лян был еще несмышленным ребенком, он переспросил:

– А почему люди должны умирать?

Старик засмеялся:

– Если люди не будут умирать, всякие негодяи будут еще больше свирепствовать, тогда добрым людям от них вовсе житья не будет!

Ма Лян все равно не понял, что имел в виду старец, он продолжал, хлопая глазами, смотреть на кисть.

– А ты, наверное, хочешь учиться рисовать! – улыбнулся старец.

Обрадованный верной догадкой старика, Ма Лян ответил:

– Да! Я хочу раздобыть кисть, потому что мечтаю научиться рисовать. Дедушка, как думаете, получится?

Старец погладил Ма Ляна по голове:

– Получится, но тебе придется потрудиться! И чего это ты пришел за кистью к Пань-гуаню? Тебе надо было обратиться к Куй-сину⁷, что в храме бога литературы Вэнь-чана.

Взглянув в суровое черное лицо Пань-гуаня, Ма Лян не осмелился больше говорить с ним, он поблагодарил старика и пошел в храм Вэнь-чана к Куй-сину.

Ну и страшный же был этот Куй-син! Одной ногой придавил голову огромной рыбе, другой подбросил к небу ковш, а в руке у него и правда была большая кисть, ее острым концом он почти касался лба посетителей.

Ма Лян робко подошел к статуе и отвесил ей поклон, стукнувшись лбом о землю:

– Милостивый Куй-син, нельзя ли одолжить твою кисть?

Бледный Куй-син выпучил глаза, но ничего не ответил. Ма Лян повторил свою просьбу трижды и, так ничего и не дождавшись, осмелел и вскарабкался на спину рыбе. Он протянул руку и взял кисть.

Теперь, когда она была у него в руках, Ма Лян был счастлив. Однако приглядевшись внимательнее, он обнаружил, что кисть сделана из глины. Он отковырнул кусочек глины, под ним оказалась бамбуковая палочка. Какой толк от глиняной кисти! Пришлось снова сунуть кисть в руку Куй-сину.

Тут к Ма Ляну подошел старик.

– Ну что за дурачок! – теребя бороду, воскликнул он. – Куй-син, конечно, может тебе помочь, если ты хочешь кисть. Но как ты мог самовольно забрать кисть у него!

---

⁶ Пань-гуань – божество, ведавшее судьбами людей. Считался помощником Чэн-хуана, бога-покровителя города.

⁷ Куй-син – божество, помощник бога литературы Вэнь-чана.

Ма Лян взглянул на Куй-сина, тот выглядел разгневанным, и мальчик испугался. Он поспешно отвесил поклон.

– Бодхисаттва Куй-син, прости меня, пожалуйста! Я просто очень хочу кисть! – крикнул Ма Лян и бросился бегом в деревню.

Да, Ма Лян очень хотел кисть.

Однажды он подумал: почему бы самому не сделать кисть?

Он пошел в бамбуковую рощу и срезал несколько тонких стеблей бамбука – это будут рукояти кистей. Где же взять ворс? Ма Лян подумал – и срезал шерсть у соседской овцы. А потом у коровы. Кисти он так и не сделал, зато у всех овец и коров в деревне появились узоры на шкуре. В деревне этому удивлялись. Пошли разговоры, что Ма Лян, вместо того, чтобы учиться как следует, безобразничает. Ему запретили стричь скот, и тогда мальчик стал срезать свои волосы. Но где уж было обычному ребенку сделать кисть!

Ма Лян снова разочаровался.

Глава 3

Ох, как высок порог!

Один из приятелей Ма Ляна знал, что тот мечтает о кисти, но ничем не мог ему помочь. Он где-то раздобыл ветку магнолии⁸ и подарил Ма Ляну. Тот посадил ее на солнечном склоне у своей пещеры, и вскоре растение прижилось.

Прошел год. В начале весны (еще не отступили суровые холода) на ветвях магнолии кое-где появились пурпурные бутоны, похожие на кисти. Спустя пару дней все дерево зацвело пурпурными и белыми цветами.

Кто бы ни проходил под этим деревом, учуяв его нежное благоухание, говорил:

– Расцвела магнолия, считай, и кисть у Ма Ляна есть!

Ма Лян был очень рад. Вскоре пришла настоящая весна, сулившая теплые деньки. Он часто стоял перед магнолией и говорил сам с собой:

– Цветы-то, конечно, красивы, да только бесполезны: не будешь ведь рисовать ими как кистью! Ах, как было бы здорово, если бы все эти цветы вдруг превратились в кисти!

Так, в сомнениях и надеждах, проходило детство Ма Ляна. Не было дня, когда бы он забыл о своей мечте: ему необходима была кисть.

Как-то раз Ма Лян со связкой дров проходил мимо усадьбы одного богача. Предок этого богача был важным чиновником при дворе императора, а потом на старости лет вернулся в родные края, купил тысячу цинов⁹ плодородной земли и выстроил огромную усадьбу.

У боковых ворот богач разместил павильон для занятий живописью и пригласил из столицы художника, чтобы тот обучал его детей рисованию. Художник этот был из разорившейся семьи, рисовал он хорошо, но, живя в столице, так и не смог выбиться в люди и занять хоть какую-нибудь должность. Как-то раз он услышал про богача, узнал, что у него большое состояние и лавки во всех крупных городах, да к тому же много друзей среди столичных чиновников. И вот, когда художник понял, что его устремлениям не суждено сбыться, что он не в состоянии обеспечить себя даже самым необходимым, он отыскал этого богача, стал заискивать перед ним в надежде найти покровительство. Он пришел в богатый дом как учитель рисования, но вскоре стал доверенным лицом хозяина. Богач верил художнику, а тот в свою очередь прилежно служил ему.

Боковые ворота усадьбы оказались открыты. Ма Лян остановился, опустил связку дров на землю и заглянул во двор. Он увидел художника – тот был маленького роста, с острым подбородком и козлиной бородкой. Художник что-то выводил кистью на бумаге, объяснял детям, как правильно рисовать.

Рисовал он замечательно, а дети за ним повторяли. Ма Ляну стало очень завидно, ему так хотелось вбежать и попросить учителя принять его в ученики!

Но потом он подумал о том, что беден, пороги богатых усадеб слишком высоки для него. Как бы ни были длинны его ноги, не переступить ему этот порог!

Ма Лян заворожено смотрел на кисть в руках мастера – так свободно тот ею владел: она послушно вычерчивала толстые, тонкие и изогнутые линии; точно так же искусно управлялся с мотыгой умелый крестьянин. Как восхитительно! Как завораживающе! Мальчик решил: даже если мастер не согласится обучать его, но одолжит ему кисть, для него, Ма Ляна, будет счастьем просто к ней прикоснуться.

---

⁸ Слово «магнолия» можно буквально перевести с китайского как «деревянная кисть».

⁹ Цин – мера площади, равная примерно 6,6 га.

Закончив картину, художник промыл кисть, собираясь убрать ее. Ма Лян не выдержал: он переступил порог, будто кто-то толкал его в спину. Мальчик церемонно поприветствовал мастера и обратился к нему:

– Я хотел бы научиться рисовать, та кисть...

Художник заметил, что вошел какой-то ребенок. Покосившись, он увидел мальчика в плетеной шляпе доули, у него были умные глаза, овальное лицо и высокий выпуклый лоб, голова слегка выдавалась вперед; мальчик был в поношенной синей одежде из грубого холста, подпоясанной холщовым поясом, и в прохудившихся тростниковых сандалиях. Выглядел ребенок опрятно, однако было понятно, что он из семьи бедняков.

– Ты кто такой? Как посмел сюда ворваться и шуметь? – спросил художник.

Ма Лян заметил, что и без того острый подбородок художника заострился еще сильнее, огромные глаза, напоминающие персики, еще больше округлились и сверкали недобрым блеском. Ма Лян сразу вспомнил лица Пань-гуаня и Куй-сина – мастер казался ему страшнее. Однако он решил, что человек со страшным лицом вовсе не обязательно должен быть плохим. Он слышал, что и Пань-гуань, и Куй-син добрые, несмотря на устрашающий вид. И мальчик продолжил:

– Меня зовут Ма Лян, я хотел бы иметь кисть, чтобы научиться рисовать...

Художник перебил его:

– Что еще за Ма Лян! Да хоть Нью Лян, Цзи Лян или Гоу Лян¹⁰ – какие отвратительные имена! Учиться живописи – это дело детей из знатных и богатых семей. Где это видано, чтобы те, кто ходят за хворостом и рубят дрова, держали в руках кисть! Мечтай больше!

Художник вытолкал Ма Ляна за дверь, так что тот споткнулся о порог и полетел лицом вниз. Покрытые черным лаком ворота со скрипом захлопнулись.

Поднявшись, Ма Лян понял, что оставил шляпу, и стал стучать в ворота:

– Шляпа, моя шляпа.

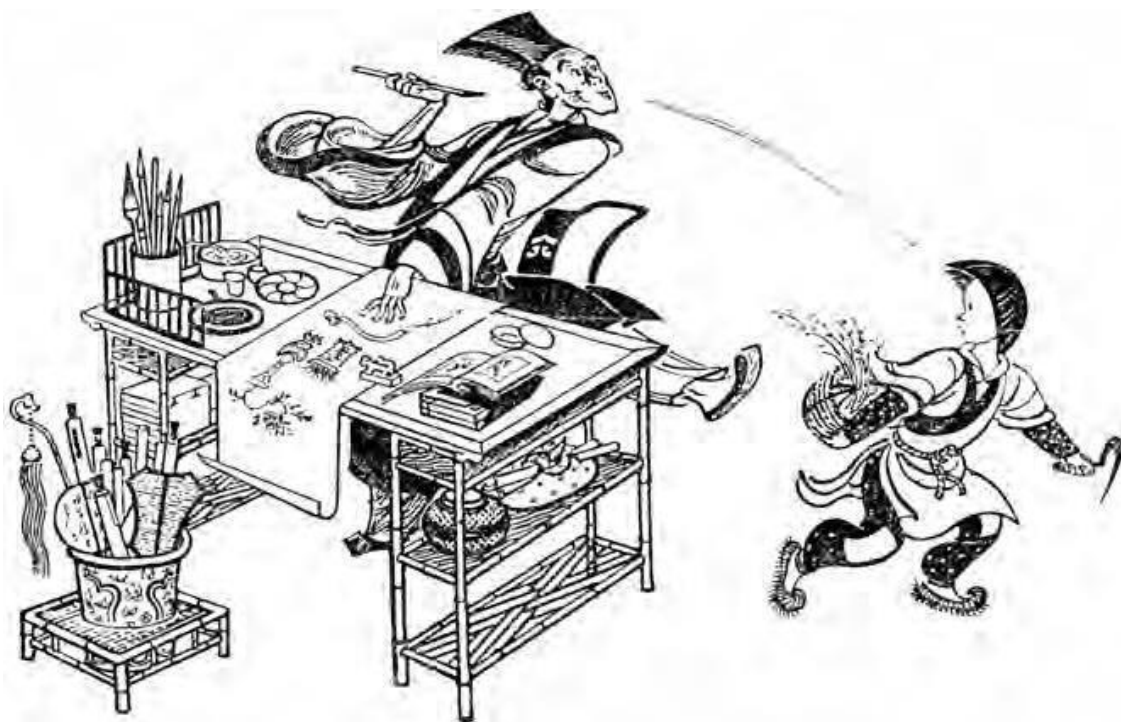
Ворота приотворились, и художник швырнул шляпу Ма Ляна на улицу, после чего выплеснул прямо на него воду, в которой ополаскивал кисть. Грязная, черная вода стекала по лицу и одежде мальчика.

Обращаясь к воротам, Ма Лян сердито сказал:

– Почему это ребенок из бедной семьи не может держать в руках кисть? Я в это не верю! Такого не может быть!

---

¹⁰ Фамилия Ма Ляна – Ма – переводится как «лошадь». Перечисленные художником фамилии означают «корова», «курица» и «собака».

Глава 4

Твердое решение

Ма Лян был мальчиком целеустремленным. Пережив тот позор, он понял очень многое, например, что нельзя ни на кого полагаться – и в особенности на богачей. Он решил учиться рисованию самостоятельно. Когда шел в горы за дровами, он отламывал ветку и пытался изобразить на песке летящую птицу. Когда ходил к берегу реки косить траву, обмакнув стебелек травы в воду, он пытался изобразить на прибрежных камнях плывущую рыбу. По вечерам, вернувшись домой, он брал уголек и на стенах яодуна снова и снова пытался изобразить то, что рисовал днем.

Друзья старались помочь ему, говорили, что у него выходило похоже, а что нет.

Прошел год, за ним еще один...

Прошло много лет, и за все время Ма Лян ни дня не пропустил в своих занятиях. В его яодуне все стены были покрыты рисунками.

Крестьяне, особенно дедушки и бабушки, видя, как он упорно упражняется, рисует и день ото дня худеет, уговаривали его:

– Ма Лян, в деревне нечего есть и носить, ты бы лучше работал как следует. Какой смысл в том, что ты целыми днями рисуешь? Как бы хорошо ты ни рисовал, картинка не превратится в еду или одежду. Не трать время понапрасну, тебе же хуже будет!

Ма Лян был благодарен соседям за советы, но отвечал так:

– Спасибо! Но именно потому я и решил заняться рисованием, что мы такие бедные. Ради нас, обездоленных, я стараюсь, для нас, обездоленных, хочу нарисовать светлое будущее. Я твердо решил научиться рисовать, сколько бы труда и усилий мне это ни стоило!

И Ма Лян продолжал старательно учиться. День за днем он все рисовал, рисовал, рисовал...

Всем вокруг наскучили его занятия, а он занимался все усерднее!

Миновал год, за ним еще один.

Прошло много лет, Ма Лян прилежно учился рисовать и делал большие успехи. Птицы у него выходили до того похожими на настоящих, что, казалось, вот-вот запоют, рыбы же, казалось, вот-вот задвигают плавниками. Однажды у входа в яодун Ма Лян нарисовал попугая. Проходивший мимо старик увидел рисунок и спросил:

– Чей же это попугай? Отчего он молчит и не улетает?

Однажды Ма Лян нарисовал в яодуне черного карпа, и одна старушка, войдя, заметила рисунок:

– Что же ты подвесил рыбу на стену? Опусть ее в воду, а то ведь помрет!

Однажды в небе над околицей появились старые коршуны, они кружили весь день, то опускаясь, то взмывая ввысь. Люди удивлялись:

– Что случилось? Кто-то цыплят со двора выпустил? Иначе бы не прилетело столько коршунов.

Проверили каждый своих цыплят – ни одного куренка, разгуливавшего на воле.

Самые любопытные пошли на околицу разведать, в чем дело. Оказалось, Ма Лян нарисовал небольшую наседку.

Как-то раз деревенские быки и овцы разбежались из горного ущелья, где до этого паслись. Люди окружили их, но скотина ни в какую не хотела возвращаться на прежнее пастбище, как бы ни старались хозяева их туда загнать. Кто-то удивленно спросил:

– Что же случилось? Почему скотина не хочет туда идти? Неужто какой-нибудь дикий зверь туда забрел?

Вооружившись палками и дубинами, деревенские осторожно пробрались в ущелье и приготовились расправиться с диким зверем, напугавшим быков и овец.

Но никаких зверей там не оказалось, это просто Ма Лян нарисовал черного волка.

Отыскали Ма Ляна.

– Молодец, нечего сказать! И старых коршунов, и быков с овцами обманул, и даже нас провел. Ну, мы тебя проучим!

Глава 5

Канцелярская лавка для знатных особ

Кисти у Ма Ляна по-прежнему не было. Как же он хотел, чтобы у него была хоть одна кисть! Он как-то заходил в канцелярскую лавку в городе, но кисти оказались ужасно дорогими.

Ма Лян стал откладывать деньги, много работал, мало ел и старался меньше тратить, много лет он готовился к покупке кисти. Наконец, набрав нужную сумму, он помчался в город. Но когда прибежал в ту самую лавку, обнаружил, что кисти подорожали.

Огорченный Ма Лян вернулся домой, пришлось ему подкопить деньжат. Конечно же, когда он набрал нужную сумму, кисти снова подорожали. Разозлившись, он отыскал продавца и попросил продать ему кисть по прежней цене. Но продавец со спиной колесом, как оказалось, был не из добряков. Презрительно фыркнув, он засмеялся над мальчиком:

– Прежнюю цену хочешь? Никак нельзя. Лучше покупай как можно скорее. Придешь завтра – цена может снова взлететь! А коли нет денег, оборванец, так на кой тебе кисть?

В это время мимо проходил старик, он услышал их разговор и, поглаживая длинную седую бороду, вошел в лавку.

– Если денег не хватает, у меня есть! Вот, возьми и купи себе кисть! – обратился он к Ма Ляну.

Юноша никак не соглашался принимать от незнакомца деньги. Тогда старец сказал:

– Я тоже беден, но эти деньги – такая мелочь. Ты ведь мечтаешь иметь кисть, так купи ее!

Ма Ляну и вправду очень хотелось купить кисть, но он не мог себе позволить просто так взять деньги у старца.

Пока они препирались, деньги выскользнули из рук старца и упали на пол. Ма Лян наклонился за ними, а когда поднял голову, старик исчез.

– Дедушка, но так же нельзя!

Он выбежал за дверь и стал вглядываться в прохожих, но старика и след простыл.

Делать нечего, Ма Лян вернулся в лавку, пересчитал деньги. Удивительно, но, сложив свои деньги с деньгами старика, он получил ровно ту сумму, которая нужна, ни одной монетой больше и ни одной меньше.

Ма Лян разложил деньги на прилавке и снова обратился к хозяину:

– Теперь денег достаточно, продайте мне кисть.

Горбатый продавец ответил с каменным лицом:

– Хоть и достаточно, все равно не продам.

– Почему это? – удивился Ма Лян.

– А она снова подорожала, – холодно ответил лавочник.

Ма Лян пришел в неопиcуемый гнев:

– Как цена могла так быстро взлететь? Только что кисть стоила меньше!

– Только что – это только что, сейчас есть сейчас, цены меняются! – лениво ответил лавочник.

Ма Лян собрался продолжить спор, но тут кто-то вышел из внутренней комнаты:

– Эй ты, голодранец, взгляни, что написано на вывеске: «Канцелярская лавка для знатных особ». Ты хоть знаешь, что такое кисть? Кистью пользуются знатные люди, они создают прекрасные, изящные творения. А твои руки годятся только чтобы мотыгой махать, править плугом да грязь месить. Если кисть попадет к таким как ты, разве не будет это оскорблением для культурных людей! Сам подумай, разве можно продать тебе кисть?..

Так говорил толстый коротышка, похожий на откормленного поросенка. Ма Лян его раньше не видел, но предположил, что тот был важной птицей. При виде него и без того ситу-

лый лавочник стал выглядеть и вовсе как натянутый лук. Приняв услужливую позу, он то и дело поддакивал.

Ма Лян понял, что с ними не сладишь – они просто не хотели продавать кисть. Не желая разговаривать с коротышкой, он развернулся и, не дослушав, вышел из лавки.

Юноша не собирался мириться с несправедливостью и стал искать того, кто мог бы рассудить это дело. Но в домах богачей и чиновников, куда он стучался, его отправляли восвояси. Привратники не понимали его и презрительно усмехались:

– Зачем крестьянскому мальчишке понадобилась кисть?

Всюду на него сыпались насмешки, Ма Лян был удручен и подавлен. В домах богачей и чиновников – он знал это – было полно кистей. Ах, если бы он мог (он так этого хотел!) войти и поддержать кисть, а может быть и забрать силой...

Но это были лишь мысли, конечно, он ничего такого не сделал. Как же ему хотелось иметь кисть! Но он знал, что они не дадут ему ни одной. Как же трудно, как трудно оказалось раздобыть кисть.

Глава 6

Кисть, увиденная во сне

Ма Лян очень хотел кисть.

Даже ночью, во сне, он грезил о ней.

Как-то раз ему приснилось, что у него действительно появилась кисть.

Дело было на той горе, что находилась за деревней. Ма Лян взбирался на нее по маленькой тропке, вившейся между вершинами. Вдруг солнечный свет вспыхнул особенно ярко. Юноша напряг глаза и увидел вдалеке древнюю пагоду и длинную черную тень, которая легла аккуратно между вершинами. А! И впрямь кисть на подставке! Вне себя от счастья, Ма Лян бросился к тени и обнял ее. В то же мгновение она стала подниматься, и оказалось, что Ма Лян обхватил руками вовсе не кисть, а ту пагоду, что позади храма. Над ней галдели птицы, сверху сыпались красные финики, будто небесные феи разбрасывали цветы, будто пошел красный дождь.

И вот это уже была не пагода, а снова кисть, только очень большая и толстая. Ворсом она упиралась в небеса, рядом плыли облака и клубился туман, разноцветные лучи зари, словно мазки кисти, простирались далеко-далеко и таяли вдали. Вдруг ворс, будто его обмакнули в воду, мягко раскрылся, как огромный серебристый лотос. И в следующее мгновение он превратился в большую золотистую хризантему, а затем – в рубиново-красную лилию...

То была разноцветная кисть.

Но что это! К Ма Ляну бежали и художник с козлиной бородкой, и горбатый продавец из канцелярской лавки, а за ними – целая толпа богачей и чиновников.

Они вопили что есть мочи:

– Эта кисть наша, наша! Эта кисть принадлежит нам...

Кисть вдруг уменьшилась и стала ростом с Ма Ляна, тот взвалил ее на плечо и заспешил прочь.

– Это наша кисть! Это наша кисть! Это наша кисть.

Ма Лян обернулся и увидел за спиной тьму-тьмущую людей, они приближались к нему в надежде отобрать драгоценность. И тут ему пришла в голову идея: он взмахнул кистью – и за его спиной возникла широкая бурлящая река.

Он сам не понял, что произошло – то ли он уменьшился, то ли его преследователи выросли, только нарисованная река оказалась для них все равно что мелкая канава, и они ее просто перешагнули.

– Это наша кисть! Это наша кисть! Это наша кисть. – гремели голоса, толпа настигала юношу.

Ма Лян испугался, что сейчас у него заберут кисть. И вновь произошло чудо.

Кисть, которую он держал в руках, вдруг выросла и превратилась в пагоду. А пагода – в огромную метлу.

Ма Лян снова не понял – то ли он вырос, то ли преследователи уменьшились – только он взял эту гигантскую метлу и смел всех бежавших за ним людей, как мусор, в широкую бурлящую реку. К его ужасу, все они вдруг превратились в ядовитых змей и стали выползать на берег. Юноша не успел убежать, и одна из змей крепко обвилась вокруг него, открыла огромную пасть и, высунув красный острый язык, собралась выпиться в него зубами.

Эта змея оказалась говорящей! Она зашипела:

– Отдай мне кисть! Сейчас же отдай мне кисть...

Ма Лянь стиснул кисть в руках, и змея вцепилась в него. Он в ужасе закричал. Но оказалось, что это был только сон!

Глава 7

Сон о кисти

Была ночь. Стояла необъятная тьма, только звезды перемещались по небу. В бледном лунном свете Ма Лян один пришел в густой мрачный лес. Кругом было тихо, слышался только стрекот насекомых в траве и среди камней.

Неспешно ступая по мягкой рыхлой земле, устланной опавшими листьями, Ма Лян шел куда-то, сам не понимая, как он здесь очутился. Однако настроение его не было таким же легким, как шаги: у него по-прежнему не было кисти.

Подул ветер, стало прохладно. Ма Лян остановился и собрался идти назад. Внезапно среди деревьев раздался хлопок, похожий на звук расколовшейся ореховой скорлупы, тут и там стали вспыхивать серебристые огоньки, как будто звездный дождь обрушился на лес.

Ма Лян пригляделся и понял, что он вовсе не в лесу, а то, что он сперва принял за деревья, оказалось кистями, то ли воткнутыми в землю, то ли из нее выросшими! Кисти красные, зеленые, желтые, синие и пурпурные... Длинные и короткие, толстые и тонкие, они торчали из земли аккуратными рядами.

Небо над головой незаметно опустилось, превратившись в крышу, кисти же стали колоннами, и вот Ма Лян очутился в просторном помещении. Там было очень тепло. Однако вскоре небо поднялось. Колонны превратились в гигантские восковые свечи. Над ними стайками вились светлячки, образуя яркие дуги, и вскоре все свечи загорелись. Они были разноцветными – и горели тоже разноцветными огоньками.

Все обитатели леса, которые до этого спали, – фазаны, зайцы, белки, мартышки, летучие мыши, ястребы, сороки, лягушки – все четвероногие, птицы, рептилии и насекомые вылезли из своих укрытий, стали кричать, петь, летать и скакать. Вокруг стало шумно и весело.

Ма Лян пригляделся и обнаружил, что вместо колонн и свечей теперь снова возвышались кисти! Он сообразил, что они могут принести огромную пользу. В холода они согреют, темной ночью подарят свет. Кисти могут дать человеку многое – все, что ему нужно...

Ма Лян словно понял истину. Он пробормотал:

– У каждого человека должна быть кисть!

Он обхватил одну из кистей, чтобы вытащить и унести ее. Но тут в воздухе раздался страшный голос:

– Эту кисть мы никак не можем отдать тебе, нельзя!

Вокруг снова стало темно и холодно. Кисти превратились в деревянную изгородь, которая рядами окружила Ма Ляна со всех сторон. Он испугался и попытался перелезть через изгородь. Она опрокинулась и превратилась в железные копыя, ножи и мечи, направленные остриями на Ма Ляна, который оказался зажат между ними и не мог пошевелиться.

От испуга Ма Лян покрылся испариной – и проснулся весь в поту. Это снова был сон.

Кошмары мучили его, каждую ночь он видел во сне кисти, но даже там не смог обзавестись ни одной.

Как же ему хотелось кисть!

Он говорил, что человеку нельзя без кисти. Он мечтал раздобыть кисть для каждого, у кого ее нет.

Глава 8

Старец с седой бородой

Ма Лян так мечтал о кисти, он был словно одержим. День ото дня он все худел, глаза ввалились, лоб казался еще более выпуклым, а шляпа доули, которую он обыкновенно надевал, выходя из дома, казалось, стала ему велика. Днем он работал и учился рисовать, не позволяя себе ни минуты отдыха, усталость накапливалась, и силы его постепенно таяли. По ночам он просыпался в холодном поту от мучивших его снов. Какое дитя все это выдержит?

Однажды вечером совершенно обессиленный Ма Лян прилег и сразу забылся – как будто уснул, но как будто и нет.

Он ждал, когда начнется сон. В последнее время он жил в мире снов о кистях. Он боялся, что снова приснится кошмар, и очень надеялся на хороший сон. Впрочем, Ма Лян был бы рад и кошмару – лишь бы в нем были кисти. Но во сне все было так же, как наяву: он никак не мог раздобыть кисть.

Ма Лян пробирался в мир грез, а может, уже оказался там. Он чувствовал то расслабленность, то напряжение, сознание его время от времени затуманивалось, потом снова прояснялось...

Вдруг в черноте яодуна вспыхнул столб белого света, такого яркого, что мальчик едва мог приоткрыть глаза. Перед ним стоял старец с седой бородой. Ма Ляну показалось, что он где-то видел этого старика, но никак не мог вспомнить, где. Не добродушный ли человек из храма бога-покровителя города стоял сейчас перед ним? Вроде бы похож, но не совсем. А может, это тот старик, что встретился ему в храме Вэнь-чана? Вроде бы похож, но не совсем. Или это тот щедрый старец, который подарил ему деньги в канцелярской лавке? Вроде бы похож, но не совсем. Юноша протер глаза и пригляделся.

Борода у старика была очень длинная, почти до земли, волосы и брови – седые. На госте был длинный желтый халат с широкими рукавами, подпоясанный желтым кушаком, на ногах – желтые тряпичные тапки, в руках – посох. Точь-в-точь бессмертный¹¹ из какой-нибудь пьесы. Старик теребил бороду.

Ма Лян не понимал, кто этот старец и зачем он пришел к нему, поэтому был удивлен и напуган. Он решил, что это сон, а во сне бывают всякие чудеса и странности.

Старец не спеша заговорил:

– Ма Лян, ты хороший мальчик, тебе полагается кисть. Я тебе ее подарю. Она волшебная, ты должен будешь рисовать для всех обездоленных, для тех, у кого нет кистей... – старик вытащил из рукава кисть и протянул ее юноше.

Ма Лян понял, что старец и впрямь собирается подарить ему настоящую кисть, но не решился ее взять. В попытках раздобыть кисть он претерпел за свою жизнь столько унижений, столько горечи познал, что и во сне его это мучило. Он не знал, настоящий это старик, или, может быть, один из тех жадных негодяев переоделся в старца. Ма Лян колебался, протягивал руку к кисти и тут же, вздрагивая, отдергивал ее.

– Бери же, только смотри не потеряй!

Ма Лян взял кисть.

– Дедушка, я... – он не успел договорить, потому что столб света вдруг исчез – так же внезапно, как появился, а с ним исчез и старец. В яодуне снова воцарилась непроглядная тьма, в которой не разглядеть даже пальцев на руке.

---

¹¹ В Древнем Китае умершего человека сжигали и верили, что его душа, поднимающаяся в этот момент на небо, бессмертна – человек становился небожителем. Также бессмертными считали святых отшельников, которые жили далеко в горах или в глухих лесах. Согласно легендам, бессмертные летали на журавлях или на облаках.

Ма Лян подумал, что это снова был сон, чудной, однако хороший. Но что это у него в руках?

Мальчик поспешно зажег факел и обнаружил, что в руке у него самая что ни на есть настоящая кисть, такая же, как те, что он видел в усадьбе у богача и в канцелярской лавке. Черная рукоять, белый ворс – та самая кисть, которую он хотел купить!

– Это не сон, это не сон, это не сон, – повторял он.

Ма Лян распахнул дверь и хотел догнать старика, но снаружи стояла непроглядная тьма, где уж было отыскать его?

– Дедушка, я вас так и не поблагодарил! Теперь, когда у меня есть настоящая кисть, я буду рисовать для всех обездоленных в Поднебесной. Пока я жив, ни за что ее не потеряю!

В темноте он услышал голос старца:

– Вот и молодец!

Подул ветер и снова воцарилась тишина.

Глава 9

У меня появилась кисть!

Усталость Ма Ляна как рукой сняло. Не в силах сдержать радость, он не стал ложиться спать, а вместо этого выскочил из яодуна.

– У меня появилась кисть! Теперь у меня есть кисть! – кричал он на бегу.

Ветер принес крики Ма Ляна в деревню. Уснувшие было крестьяне стали просыпаться и прислушиваться.

Мальчик колотил в ворота каждого дома и всех перебудил:

– Теперь у нас у всех есть кисть! У нас есть кисть!

А ведь стояла глубокая ночь! На шум сбежались все соседи, даже старики и дети. Все спешили к околице.

Ночь выдалась темная, не было видно ни звезд, ни луны. Крестьяне столпились. Кто-то принес с собой масляную лампу, несколько человек загородили ее собой от ветра, и в ее тусклом мерцании деревенские передавали друг другу кисть, разглядывали, ошупывали, кто-то даже нюхал, а кто-то подносил к уху, пытаясь что-то услышать. Все были счастливы.

Нежно погладив кисть, один из соседей вернул ее юноше:

– Ма Лян, скорей же нарисуй ею что-нибудь!

Внезапный порыв ветра потушил лампу, и все загалдели:

– Точно, Ма Лян, нарисуй большой красный фонарь, которому не страшен ветер!

– Хорошо.

Ма Лян принялся рисовать и вдруг почувствовал, что кисть стала очень тяжелой. Однако он решил, что будет рисовать, какой бы тяжелой она ни была. Ма Лян учился рисовать каждый день и за это время натренировал плечи и запястья. Теперь же он старался не обращать внимания на вес кисти, высоко поднял ее и на стене у околицы в несколько мазков нарисовал большой красный фонарь. И как только Ма Лян его закончил – фонарь стал настоящим и засиял.

– Ай да кисть! Что ни нарисует, все превращается в настоящее!

– Кисть-то волшебная!

– И впрямь волшебная!

Фонарь повесили высоко над околицей. Он светился красным светом, и красным было все вокруг – и лица, и одежда. Внутри фонаря потрескивал огонек красной свечи. Порывы ночного ветра раскачивали фонарь, но не могли потушить свечу, и красный свет по-прежнему ярко освещал деревенских.

Ма Лян радостно поднял над головой кисть и пробежал вокруг толпы:

– Это настоящая волшебная кисть!

Все радовались и поздравляли друг друга:

– Как же хорошо, что теперь у нас есть волшебная кисть!

Кто-то предположил, что тот старец – бессмертный даос и что мечта Ма Ляна о кисти растрогала его.

По просьбе соседей юноша описал, как выглядел старик. Тогда его попросили рассказать во всех подробностях, ничего не упуская, что именно сказал старец. Ма Лян рассказал, и все сошлись на том, что бессмертный с седой бородой наверняка был духом кисти, иначе откуда бы у него взялась волшебная кисть?

Сжимая в руках обретенную драгоценность, Ма Лян вдруг вспомнил, с каким трудом она ему досталась. Вспомнил все невзгоды, и в груди у него защемило, в носу защипало – и он заплакал навзрыд. Деревенские поняли, что творилось в душе у Ма Ляна, и, глядя на него, тоже пустили слезу. Лужайку у околицы наполнили всхлипывания...

Глава 10

Весна посреди осени

Дети удивленно спрашивали взрослых:

– У нас ведь есть волшебная кисть, почему вы плачете? Ведь надо радоваться!

Тогда взрослые утерли слезы.

– И то правда! Мы очень рады, очень, нужно это хорошенько отпраздновать.

Один из детей потянул Ма Ляна за руку и попросил:

– Братец Ма Лян, нашего петуха недавно унес хорек, нарисуй нам нового, хорошо?

– Хорошо, – весело отозвался Ма Лян. – Сейчас попробую!

Он нарисовал на стене большого петуха с яркокрасным гребешком в золотистом оперении и с темнозеленым хвостом. Ожившая птица слетела со стены!

Хлопая крыльями, петух взлетел на каменный мост и, вытянув шею, заголосил:

– Ку-ка-ре-кууу!

Услышав крик нарисованного петуха, деревенские петухи испугались, что проспали рассвет, и наперебой закричали:

– Ку-ка-ре-кууу!

– Ку-ка-ре-кууу!

– Ку-ка-ре-кууу!

Даже солнце, спавшее за восточными горами, пробудилось и, немного помешкав, бросилось будить утреннюю зарю, чтобы та скорее засияла.

Не успело еще солнце полностью открыть глаза и разлить по земле свой яркий свет, когда ночь, забеспокоившись, поспешила раньше времени свернуть свою черную постель и опустила молочно-белую пелену прозрачного тумана, чтобы скрыть свое поспешное бегство.

Рассвело. Все, кто собрался у околицы, переглянулись и увидели на лицах друг друга счастливые улыбки.

Еще один ребенок потянул Ма Ляна за руку:

– Ты же умеешь рисовать птиц? Нарисуй многомного птиц!

Своей волшебной кистью Ма Лян нарисовал целую стаю. Хлопая крыльями, они взлетели на деревья, расселись на ветвях и зачирикали, запели прекрасные песни. Были среди них сороки, попугаи, пеночки, ласточки, жаворонки, чижи и зимородки... Когда Ма Лян ходил за дровами в горы, он много рисовал птиц.

Другой малыш позвал Ма Ляна:

– Ты же умеешь рисовать рыб? Нарисуешь многомного рыб?

Ма Лян нарисовал целую стаю рыб, они шевелили хвостами и, оказавшись в реке, станцевали красивый танец. Были среди них караси, карпы, окуни, сельди, белые амуры, лапша-рыба, змееголовы. Когда Ма Лян ходил к реке косить траву, он часто рисовал рыб.

Дети от радости запели, как птицы, и заплясали, как рыбы. Вдохновленный радостью крестьян, Ма Лян начал уверенно рисовать цветы на околице и на берегу реки. Были среди них орхидеи, пионы, гортензии, акации, розы, бальзамины, гвоздики, камелии, жасмин, шиповник...

Друг, который когда-то подарил Ма Ляну магнолию, предложил ему:

– Ма Лян, почему бы тебе не нарисовать магнолию? Нарисуй!

– Хорошо, сейчас будет много магнолий.

Юноша стал рисовать – и цветущие деревья обступили деревню со всех сторон. На голой земле Ма Лян мазок за мазком рисовал молодую зеленую травку. Стояла осень, а Ма Лян нарисовал бурлящую весну.

Теперь, когда у него появилась волшебная кисть, он хотел нарисовать что-нибудь полезное, он спросил:

– Дедушки и бабушки, дядюшки и тетушки, братцы и сестрицы! Скажите, что вам нужно? Я нарисую! Эта волшебная кисть – наша общая. Так что говорите! Говорите!

У одного из крестьян дома не оказалось бороны, и Ма Лян нарисовал ему борону; у другого не было вола, и Ма Лян нарисовал ему быка; у третьего не было чигиря¹², и Ма Лян нарисовал ему чигирь; у четвертого не было мула, и Ма Лян нарисовал ему мула.

Он рисовал для односельчан все новые и новые живые картины. У него заболело запястье, отекала рука, заболело все тело, но он продолжал рисовать.

---

¹² Чигирь – большое колесо с черпаками, которое поднимает воду из рек в оросительные каналы, это упрощает полив полей.

С тех пор как появилась волшебная кисть, деревенские зажили в достатке. Но нашлись среди них и завистники. Один парень, не желая трудиться, круглый год бродяжничал. Узнав, что у Ма Ляна появилась волшебная кисть, бездельник стал каждый день наведываться к нему. Сначала он попросил нарисовать ему кровать, котел и разную утварь. Ма Лян с готовностью рисовал. Потом парень нагло потребовал, чтобы ему нарисовали зерно, дом, да еще хорошенькую жену, которая прислуживала бы ему. Куда же это годится? Ма Лян не знал, как поступить. Об этом узнал один из деревенских стариков. Он отругал того парня, сказал, что нельзя

использовать кисть, чтобы рисовать зерно и жилища – тогда ведь крестьяне превратятся в лентяев! Разве так можно? Для бедняков это будет уже не помощь, а вредительство!

Так Ма Лян понял, что рисовать можно, а что нельзя. Однажды кто-то шутя сказал ему:

– Ма Лян, нарисуй побольше денег, только никому не отдавай, купи на них землю и открой лавку, станешь большим богачом! А потом нарисуй еще денег и купи себе должность чиновника, тогда проживешь всю жизнь в довольстве и почете, горя не зная!

Эти слова обидели юношу, покраснев, он выгнал «советчика». Сказал, что если разбогатеет и будет спокойно смотреть, как мучаются в нищете другие, это будет уже не он, не Ма Лян.

Во сне ему вновь явился бессмертный с седой бородой:

– Ма Лян, ты все делаешь правильно!

Глава 11

Ленивая женщина и азартный игрок

Жила в деревне одна ленивая женщина. Она не работала, не ухаживала за скотом, не шила и не стирала одежду, а только дремала день-деньской на кровати. Мужу приходилось круглый год прислуживать ей, но однажды ему это надоело, он забрал детей и ушел от нее.

Жить ей стало несладко. Целыми днями она спала – и в доме царили такой бардак и грязь, что и словами не описать.

Однажды она пришла к Ма Ляну и попросила его нарисовать толстое ватное одеяло, чтобы теплее было спать, а еще – окна, которые не пропускают солнечный свет, чтобы даже в погожий день при закрытых окнах в доме было темно, как ночью.

Ма Лян выполнил ее просьбу. Радостно попрощавшись с юношей, женщина вернулась в дом и собралась вздремнуть. Но едва она вошла в комнату, как на нее напали тучи комаров. Она легла было в постель, но обнаружила, что белье кишит блохами, и те принялись кусать ее. Не удалось ей поспать.

Пришлось лентяйке вылезти из-под одеяла, но тут ее поджидали беспощадные комары. Она не могла ни стоять на месте, ни ходить, ни сидеть, ни спать – это было невыносимо.

Так продолжалось три дня, лентяйка измучилась. Она начала бить комаров, но в комнате было так темно, что те легко находили себе укрытие по углам, только и слышен был их писк. Она бросится в угол, а комары улетают в другой, она за ними – они от нее. Пришлось ей открыть окна и впустить в дом солнечный свет – только так она могла увидеть комаров.

Женщина стала ловить блох, но те оказались проворнее: стоило откинуть одеяло, как они прыгали под кровать, лентяйка за ними – а они по всей комнате, никак их было не поймать! Пришлось ей подмести в каждом уголке, а одеяло вынести на солнце, чтобы оно просушилось за день. Одежду надо было сменить, выстирать и накрахмалить...

Превратилась лентяйка в ловкую, трудолюбивую жену, да к тому же она была хороша собой. Вернулись ее муж и дети, стала она охотно помогать мужу по хозяйству.

Говорили, что комары и блохи излечили женщину от лени. Она же, догадавшись, что их нарисовал Ма Лян, не обиделась на него, а напротив, была очень благодарна ему и его кисти.

Ма Лян приходил к ней попросить прощения и нарисовал гусей и уток, женщина стала заботиться о них. Ко всеобщему удивлению оказалось, что женщина эта умела прясть и ткать, делать каллиграфические надписи и вышивать – в общем, была настоящей мастерицей с золотыми руками!

На окраине деревни жил один заядлый картежник. Раньше он, как и все, возделывал землю, но после того как заразился пагубной привычкой, продал землю, доставшуюся ему от предков. Его жена была не в силах терпеть такую жизнь и вышла замуж за другого.

Иногда он, конечно, выигрывал, но все деньги сразу проедал и пропивал с друзьями. В основном же проигрывал, а проиграв, пытался отыгаться и проигрывал снова. Он по уши влез в долги.

Прослышав о волшебной кисти Ма Ляна, он сначала усомнился в ней и решил все разведать.

Обнаружив, что Ма Лян живет в полуразрушенном яодуне, а в жилище не на чем остановить взгляд, он решил, что волшебная кисть – враки.

– А говорят еще, что он успеха достиг. Да разве прозябал бы он в такой дыре, будь эта кисть и правда волшебной? Не верю!

В это время вернулся Ма Лян. Увидев у входа незнакомца, он окликнул его:

– Дядюшка, кого вы ищете?

Гость смерил юношу взглядом и с подозрением спросил:

– Ты, значит, Ма Лян? Можешь мне кое-что нарисовать?

Мальчик не понял, зачем пришел этот человек, и уклончиво ответил:

– Если смогу, нарисую, конечно.

Гость поразмыслил и говорит:

– Есть кое-что, да только не знаю, сможешь ли ты такое нарисовать. Я хочу иметь волшебную кисть, нарисуй мне своей волшебной кистью еще одну!

Ма Лян никак не мог понять, чего хочет этот человек.

– Волшебную кисть? Как же ее нарисуешь? Если вам просто нужна кисть, я могу вам нарисовать обычную.

Гость захохотал:

– Да зачем она мне? Я понял, не можешь ты нарисовать волшебную кисть. Открою тебе правду: я картежник! Какой же мне прок от простой кисти. Я хотел волшебной кистью нарисовать деньги, чтобы поставить их на кон и отыграть все, что я проиграл. Понятно, ты мне вряд ли чем-то поможешь.

Только теперь Ма Лян вспомнил, как ему рассказывали про одного земледельца, который забросил хозяйство и стал играть в карты. Кто бы мог подумать, что этот человек явится к нему. Юноша попытался его вразумить:

– Дядюшка, вы ведь тоже землей кормились, как же вы могли ввязаться в азартные игры?

Мужчина протяжно вздохнул:

– Как-как... Это все проклятая нищета!

Ма Ляну это не понравилось, он робко возразил:

– Дядюшка, мы все здесь небогаты, но мы упорно трудимся! Нельзя отчаиваться! Еще никогда азартные игры не спасали нашего брата бедняка, наоборот, только разоряли, вы.

Прикрывая смущение гневом, гость сердито закричал:

– Ах ты, маленький негодник, ты не чиновник, чтобы поучать старших! Чиновники и те сейчас увлекаются картами, а ты кто такой! Хватит чепуху молотить. Мне в последнее время не везет, нарисуй мне Цайшэня¹³! Будешь рисовать или нет?

Видя, что уговоры не действуют, юноша сдался:

– Я могу нарисовать только фигурку Цайшэня. Поможет это или нет, я не знаю, но если вы хотите, чтобы почтенный Цайшэнь благословил вас на выигрыш, то тут он вам не помощник.

Ма Лян нарисовал что обещал, и гость, довольный, унес фигурку с собой.

Старики упрекали Ма Ляна:

– Зачем же ты нарисовал Цайшэня для картежника?

– Быть может, эта фигурка ему поможет, – улыбался Ма Лян.

Крестьянин по-прежнему играл каждый день и все так же постоянно проигрывал. Он проиграл столько, что уже ни за что не отыгрался бы. Товарищи по игре потеряли к нему интерес и перестали обращать на него внимание, называя неудачником. Ему оставалось лишь бес- сильно наблюдать, как другие ставят огромные деньги на Зеленого дракона да Белого тигра¹⁴. У него руки чесались самому вступить в игру, это было невыносимо.

Однажды он не выдержал и сделал ставку на Зеленого дракона, поставив на кон блестящую золотом фигурку Цайшэня:

– Зеленый дракон! Наверняка будет Зеленый дракон!

Банкомет, увидев, что этот неудачник поставил на кон глиняную статуэтку, разозлился. Он разбил ее кулаком и взревел:

---

¹³ Цайшэнь – бог богатства.

¹⁴ Речь идет об азартной игре *ябао* (букв. «делать ставку на драгоценность»). Играют четыре человека. Банкомет, человек напротив него – Тянь Мэнь (Небесные врата), справа от банкомета – Бай Ху (Белый тигр), слева – Цин Лун (Зеленый дракон). Банкомет кидает кость, ставки делаются на игроков.

– Какой тебе Зеленый дракон! Убирайся отсюда!

– Зеленый дракон, Зеленый дракон...

А выиграл и вправду Зеленый дракон. И в этот самый момент из разбитой фигурки выползла зеленая змея длиной в пол-чи¹⁵, опаснейшая ядовитая змея – бамбуковая куфия.

– Зеленый дракон, Зеленый дракон.

Игроки побледнели и вскочили:

– Хорошо хоть выпал Зеленый дракон, а если бы выиграл Белый тигр и выскочила змея? Нам было бы точно несдобровать.

Кто-то опустил на колени и взмолился:

– Почтенный Цайшэнь, умерь свой гнев, я больше никогда не буду играть! – хлопнув по столу, он начал обеими руками сгребать все поставленные на кон деньги. Змея раскрыла пасть, высунула жало и впилась в его подбородок. Подбородок и нижняя губа начали распухать, на лицо игроку будто подвесили мяч.

Другие игроки, уверенные, что они разгневали Цайшэня, тяжело заболели и с тех пор больше не прикасались к картам.

Что же до нашего картежника, то он, конечно, больше не играл, но долги его никуда не делись. Ему некуда было податься, и он опять пришел к Ма Ляну. Тот не сказал ему ни слова упрека, но великодушно нарисовал кое-какие инструменты для работы в поле и утварь. Крестьянин этот вовсе не был ленивым, он рано вставал и дотемна трудился.

А слава о Ма Ляне достигла соседних селений.

---

¹⁵ Чи – мера длины, равная 33 см.

Глава 12

В мешке

Упрямый северо-западный ветер разнес вести о волшебной кисти Ма Ляна далеко за пределы деревни – и донес до усадьбы того самого богача.

Тот сначала не поверил и сказал, что сроду не слышал, чтобы нарисованные вещи превращались в настоящие:

– Наверняка какой-нибудь дух или бес дурачит богатых!

Однако он не выдержал и тайком велел своему художнику с козлиной бородкой пробраться в деревню и все разведать.

Умудренные опытом деревенские старики понимали, что волшебная кисть может однажды принести Ма Ляну беду, что богачи и чиновники начнут строить козни. Соседи говорили Ма Ляну:

– Будь осторожен! Как говорится, драгоценности не стоит выставлять напоказ. Когда рисуешь волшебной кистью, лучше делай это в укромном месте!

Ма Лян по своей наивности не прислушивался к ним, он отвечал:

– Эта волшебная кисть наша общая, и мы с ней делаем что хотим, кто нам может помешать? А если кто и захочет – так мы его вразумим! Мы люди честные и ничего постыдного не делаем, чего нам бояться?

Он рисовал не только для жителей своей деревни, но еще больше – для обездоленных из всех окрестных деревень. Его просили о помощи жители все более и более отдаленных земель. Каждый день Ма Лян, взяв в собой шляпу доули и заткнув за пояс волшебную кисть, ходил по дворам и рисовал. Конечно, в чужих деревнях ему приходилось много говорить с незнакомыми людьми. Он не знал, что богач подослал художника, и тот шпионил за ним, переодевшись в бедняка.

Художник же доложил богачу, что истории про волшебную кисть – чистейшая правда.

– Это никуда не годится, – заявил богач. – Нельзя допустить, чтобы волшебная кисть была у них. Непонятно, откуда она у них взялась, не может быть, чтобы она принадлежала им. Пошлю за Ма Ляном людей, пусть он принесет ее мне.

Богач послал к Ма Ляну слугу с запиской. Но Ма Лян, расспросив гостя, тотчас выпроводил его:

– С твоим хозяином я не хочу иметь никаких дел, эта кисть не должна его заботить. Почему это я должен нести ему свою кисть? Вот глупости!

Когда слуга пересказал хозяину разговор с Ма Ляном, тот рвал и метал. Он посоветовался с художником и решил:

– Надо отправить за этим негодником нескольких слуг, пусть приведут его силой.

Художник что-то прошептал на ухо хозяину, и тот распорядился:

– Схватите его ночью – да подальше от деревни. Делайте все тихо!

Той же ночью четверо слуг, выяснив, что Ма Лян пошел в дальнюю деревню, решили подкараулить его на дороге у деревянного моста.

Ма Лян рисовал для одной старушки пару каменных жерновов. Близился Новый год, и она хотела смолоть муки, чтобы приготовить пельменей к возвращению сыновей, которые весь год трудились поденщиками на чужбине.

Когда жернова были готовы, юноша сам смолот для старушки муку. Она хотела угостить его пельменями, но он отказался, надел доули и, засунув кисть за пояс, вышел в снежную ночь.

Снегопад усиливался, прохожих было мало. Ма Лян большими шагами направлялся к дороге, ведущей в его родную деревню. Дойдя до деревянного моста, он заметил на берегу

реки черные силуэты. Почуввав неладное, он снял шляпу и засунул кисть под подкладку, потом закрепил доули на спине и зашагал назад.

Поджидавшие его люди провели в засаде много часов. Увидев, что Ма Лян не пошел на мост, а развернулся, они бросились за ним. Сил им было не занимать, они крепко связали Ма Ляну руки и ноги, рот заткнули тряпкой. Они засунули юношу в плотный холщовый мешок, завязали его и закрепили на спине мула. Ма Лян не мог ни пошевелиться, ни закричать.

Вот так, в мешке, словно какой-то товар, Ма Ляна тайком привезли в усадьбу богача.

Глава 13

Упрямец

Ма Ляна развязали и привели в залу. С первого взгляда Ма Лян узнал в богаче того толстого, похожего на свинью коротышку, которого видел когда-то в канцелярской лавке.

Богач, делано улыбаясь, с притворным уважением обратился к пленнику:

– Ма Лян, мы пригласили тебя, чтобы учить рисованию. Ты ведь любишь рисовать? Я специально для тебя позвал из столицы именитого мастера. Я всегда почитал таланты.

Хозяин велел слугам привести учителя.

Художник, тот самый, с козлиной бородкой, согнувшись в глубоком поклоне, уже давно стоял за спиной богача. Он заискивающе сказал:

– Поистине, наш хозяин – настоящий Бо Лэ¹⁶, а наш Ма Лян – добрый скакун. Ма Лян, скорей же извинись перед хозяином.

– Ну что вы, что вы, – притворно смутился богач. – Ма Лян, скорее поприветствуй учителя.

Ма Ляну были противны их кривляния, и он ответил:

– Ничего мне от вас не надо, и такой учитель мне не нужен, отпустите меня домой.

Богач поворачивал глазами под заплывшими жиром веками и сказал:

– Ну что ж, раз ты не хочешь признавать его как учителя, тогда я прикажу, чтобы он стал твоим учеником, я нанимаю тебя учителем в наш павильон живописи. Ты будешь жить в высоком тереме, есть вдоволь и ежемесячно получать солидное жалование. Так что тебе нет надобности возвращаться домой.

– Ма Лян, прошу тебя быть моим учителем, я очень хочу у тебя учиться, – подхватил художник.

Ма Лян почувствовал отвращение, ему не о чем было разговаривать со свиньей и этим прихвостнем. Увидев, что юноша молчит, хозяин решил, что тот тронут предложением и согласен его принять.

– Ну вот и славно! – воскликнул он. – Ма Лян, нарисуй-ка мне золотых слитков! Много не нужно, можешь рисовать по десять слитков в день.

Это рассмешило Ма Ляна.

– Я же голодранец, гожусь только на то, чтобы плугом править, мотыгу держать да грязь месить, – язвительно ответил он. – И рисовать-то я умею одни мотыги да плуги, которые постоянно соприкасаются с грязью. Слитков я отродясь не рисовал, я даже не знаю, как они выглядят, потому что никогда их в глаза не видел.

Богач решил, что Ма Лян все-таки нарисует то, что он хочет. Повеселев, он махнул рукой и приказал:

– Ну это пустяки, сейчас исправим. Эй, слуги, принесите-ка из хранилища золотой слиток да выберите покрупнее.

Двое слуг притащили огромный слиток и положили его на стол. Хозяин велел Ма Ляну нарисовать его. Ма Лян отказался.

– Если у вас уже есть золотые слитки, зачем мне рисовать еще?

Богач начал терять терпение:

– Это не твое дело, рисуй живо!

– Не могу, у меня нет кисти.

---

¹⁶ Бо Лэ – в китайской мифологии бог, отвечающий за лошадей в небесном царстве, он умел оценивать лошадь с одного взгляда. Со временем это имя стало нарицательным, так называли того, кто слыл настоящим знатоком лошадей.

– Это тоже легко исправить. Все мои предки торговали кистями, а теперь я продолжаю их дело, наша семья владеет множеством канцелярских лавок, они повсюду. Слуги, принесите кисть...

– Тут нужна его волшебная кисть, – поспешил напомнить стоявший сзади художник.

Сообразив, что сказал глупость, богач тут же исправился:

– Ма Лян, мне нужно, чтобы ты рисовал своей волшебной кистью. Нечего мне зубы заговаривать, рисуй живее!

Ма Лян прикрыл глаза и молчал. Богач разозлился:

– Рисуй! Живо! Если будешь отказываться, я тебя все равно заставлю!

Ма Лян продолжал придумывать отговорки:

– Я не взял с собой кисть, я ведь не знал, что вы притащите меня сюда и заставите рисовать.

Препирались они очень долго, но юноша так и не уступил. В гневе богач завопил:

– Ты шутить со мной вздумал?! Слуги, обыскать его! Ни за что не поверю, что он не взял с собой волшебную кисть!

Вошли двое слуг, Ма Лян снял с себя доули и, держа ее в руках, позволил себя обыскать.

– Кисть моя, а не ваша, чего это вы меня обыскиваете? – возмутился он.

Богач не знал, что делать, и художник снова прошептал ему что-то на ухо. Тогда хозяин сказал:

– Волшебная кисть – драгоценный предмет, принадлежащий нашей канцелярской лавке, а ты его украл. Нет, ты силой отнял у меня фамильную ценность!

Пока эти двое шептались, Ма Лян переложил шляпу с волшебной кистью из одной руки в другую. Слуги обыскали его с головы до ног, даже расстегнули на нем одежду, но так ничего и не нашли.

– У него нет кисти, – доложили они.

Богача, оставшегося ни с чем, охватил бессильный гнев. Выругавшись, он приказал:

– Заприте этого упряма в конюшню! Не может быть, чтобы его нельзя было усмирить!

Четверо слуг, грубо подталкивая Ма Ляна, отвели его в конюшню.

Глава 14

Свобода

Снег медленно кружил в воздухе, до этого намело большие сугробы, и все кругом было белым бело.

Ма Ляна заперли в конюшне, а лошадей перегнали в теплое место. Пленника нарочно оставили в насквозь продуваемом стойле, куда попадал снег, чтобы ночь показалась ему особенно долгой и мучительной.

У Ма Ляна окоченели пальцы на руках и ногах. Ветер забирался к нему в рукава и в штанины. Походив вдоль стен, юноша присел на корточки в углу. Его трясло, из носа потекло, в горле запершило.

Стояла глубокая ночь, а у Ма Ляна до сих пор во рту не было ни крошки, он изнемогал от голода и жажды, живот урчал и словно приклеился к позвоночнику. Это было невыносимо!

Холод и голод мучили пленника. Вдруг он словно потерял опору, в глазах зарябило, ноги обмякли, и Ма Лян рухнул на пол.

– Нельзя падать!

Ма Лян очнулся и, стиснув зубы, на ощупь с огромным трудом поднялся. Оглядевшись и прислушавшись, он никого не увидел, вокруг была тишина. Он стал ощупывать все вокруг и, найдя на деревянной перекладине немного снега, съел его. Ему стало легче, он тихонько вытащил из шляпы волшебную кисть и нарисовал груды сухих поленьев, собираясь развести огонь...

Он не знал, что у стен есть глаза и уши: богач подослал художника наблюдать за пленником, опасаясь, как бы тот не умер – тогда уж точно не видать им волшебной кисти. И вот через бревенчатую стену конюшни художник увидел, что Ма Лян где-то раздобыл огонь и перед ним ярко пылают дрова, а сам он увлеченно грызет отломанную от карниза сосульку. Художник сообразил, что Ма Лян воспользовался волшебной кистью, и значит, она наверняка при нем.

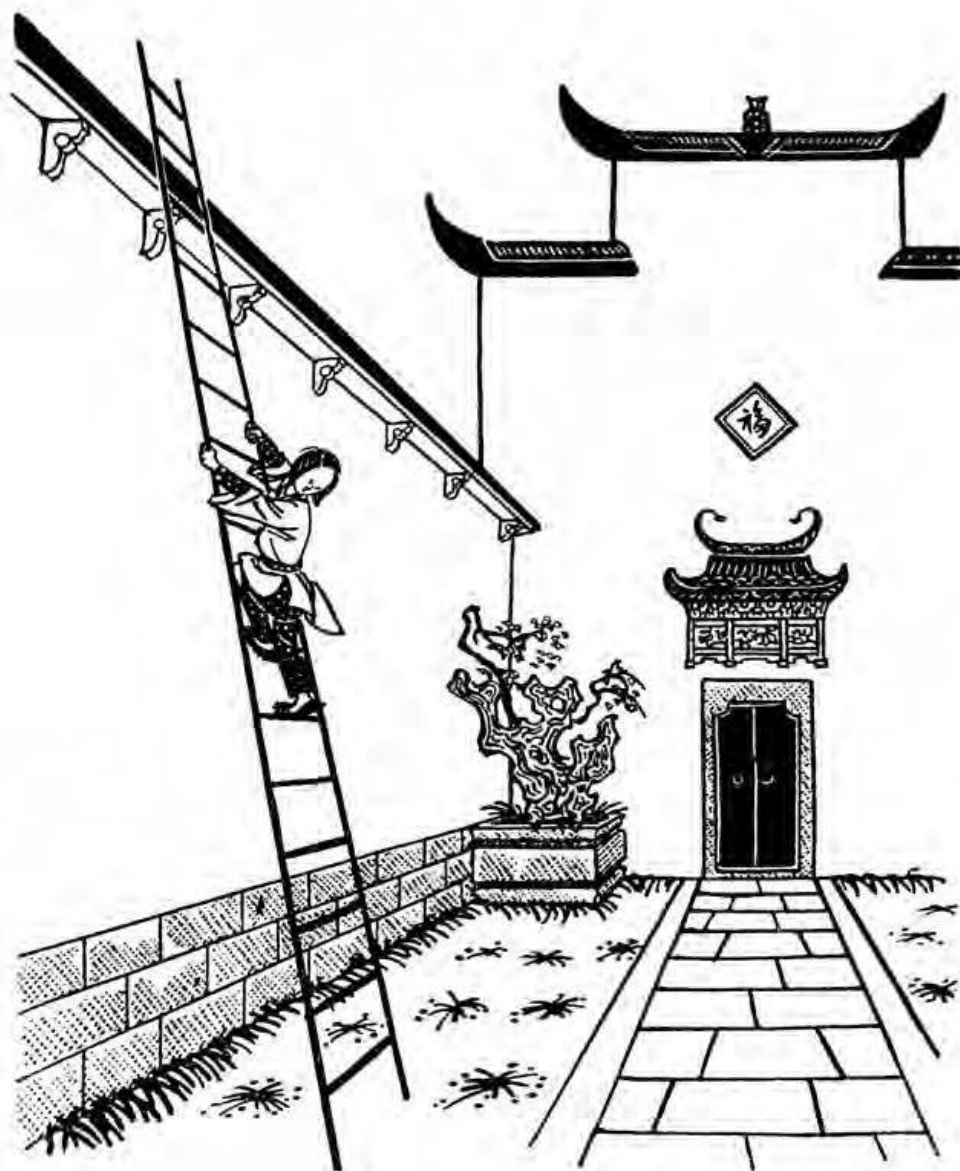
Юноша тем временем с тревогой думал о том, что, когда рассветет, богач и его прихвостни придут в конюшню и поймут, что волшебная кисть у Ма Ляна с собой. Тогда они точно заставят его рисовать золотые слитки, и если он нарисует хоть один, ему придется делать это каждый день. Если же он не станет рисовать, они отнимут его волшебную кисть и никогда не вернут ее.

Ма Лян думал как быть, но ни одна идея ему не нравилась, единственный выход – до рассвета придумать, как отсюда выбраться. Но как? Вот в чем вопрос!

Художник меж тем рассказал все богачу, и тот не на шутку рассердился:

– Так этот негодник нас провел! Сейчас же подвесьте его и отберите кисть. Как только она окажется у меня, можно с ним больше не церемониться!

Художник взял с собой нескольких слуг, тихо прокрался к конюшне и, открыв дверь, ворвался внутрь. Огонь все еще горел, но Ма Ляна там не было.

Где-то за конюшней открылась дверь, которую юноша нарисовал волшебной кистью. Через нее он выбежал наружу.

Тут подоспел сам богач с несколькими людьми. Освещая фонарем следы на снегу, он сказал:

– Ма Лян еще где-то во дворе, усадьба окружена стеной высотой в три чжана¹⁷ и толщиной в два чи, он не сможет отсюда выйти. Главное, чтобы он снова не нарисовал дверь.

Художник со слугами бросился обыскивать двор. Ма Лян действительно не успел ускользнуть. На одной из стен он рисовал лестницу. Стена была высокой, и он, поднимаясь по ступенькам, рисовал новые одну за другой. Когда его нашли слуги богача, он уже сидел на стене.

– Хватайте его! И отберите волшебную кисть!

¹⁷ Чжан – мера длины, равная 3,2 м.

Богач приказал слугам взобраться по лестнице, нарисованной Ма Ляном, но тот толкнул ее ногой, и она опрокинулась вместе со слугами.

– Снаружи широкий и глубокий ров, ему не перебраться.

Богач и толпа его слуг поспешили к воротам усадьбы. Выскочив наружу, они решили перехватить Ма Ляна.

Беглец неторопливо нарисовал на стене длинный бамбуковый шест, а затем, уперев один его конец в землю, перемахнул через ров, спрыгнул в заросли кустарника и побежал к дороге. Он решил, что домой лучше не возвращаться. Повернувшись в сторону родной деревни, он помахал рукой и прошептал:

– Друзья мои, прощайте! Но я еще вернусь!

Однако холод подгонял Ма Ляна. Снежная ночь была светлой, и он нарисовал статного коня, вскочил ему на спину и устремился вперед по дороге.

Не успел он далеко отъехать, как услышал сзади шум. Обернувшись, юноша увидел огни факелов – его преследовали богач на быстром скакуне со сверкающим стальным клинком в руках, художник, скрюченный лавочник и множество слуг.

Ма Ляна почти настигли, но он успел нарисовать лук и стрелу. Юноша натянул тетиву, стрела просвистела в воздухе и угодила прямо в коня богача. Конь упал. Пытаясь подняться, он выбросил всадника из седла. Толстяк тяжело плюхнулся прямиком в пруд у обочины, пробил покрывавший его лед и погрузился в воду.

Слуги бросились вытаскивать господина. В ледяной воде богач заковенел, и слугам пришлось везти его в усадьбу, преследователи побоялись продолжать погоню.

Ма Лян похлопал своего коня, и тот полетел вперед, словно ветер...

Глава 15

Фонарь и котята

Уже совсем рассвело, а Ма Лян продолжал мчаться во весь опор. Увидев, что его больше не преследуют, он немного успокоился, но пока не решался замедлить бег коня.

Вдруг он заметил впереди на обочине плачущего мальчика, мать что-то кричала малышу, но тот не слышал. Увидев всадника, мальчик преградил ему дорогу:

– Верни, верни...

Ма Лян натянул поводья, спрыгнул с коня и улыбнулся ребенку:

– Что тебе вернуть?

Женщина окликнула мальчика:

– Не глупи, ты ошибся, это был не он. – Она потянула ребенка к себе и, извиняясь, объяснила Ма Ляну: – Братец, дело вот в чем: в городе я купила малышу фонарь в виде кролика, а когда мы шли по этой дороге, мимо проезжал на лошади посыльный какого-то чиновника, он раздавил фонарь, да еще и хлестнул моего сына плетью.

Ма Лян погладил мальчика по голове и, взглянув на растоптанный фонарь, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.